СРАЖЕНІЕ.

Ранымъ ранешенько, въ день праздничный, въ день Спаса, уготовано было спасеніе праведнымъ воинамъ: собирались наши солдатушки пиръ пировать разгульный, погулять вольною волей, разгульемъ молодецкимъ; собирались бить непріятеля, сходиться штыкъ со штыкомъ и грудь съ грудью.

Ранымъ ранешенько, въ день праздничный, въ день Спасовъ, не пѣтухъ съ просонья зорю прокричалъ, а трубы съ барабанами въ чистомъ полѣ зорю огласили утренню, да пташки лѣтнія взвивалися надъ станомъ Русскимъ, отряхали росу студеную съ крылышекъ да заливались пѣснями.

Ликовалъ надъ покорной головой моей младъ жавороночекъ, пташка лѣтняя; славословилъ Творца вселенныя, накликалъ на душу радость мнѣ; и взыграло ретивое во мнѣ, очи вскинулъ я къ пѣвцу залетному, глянулъ вкругъ себя на утро радостное, на почивающихъ собратовъ моихъ и прочелъ такую молитву я:

«Господи! ежели хочешь, то да мимо идетъ меня чаша сія: но да будетъ воля Твоя, а не моя. Молодъ я, и чашу смерти испить не хочется; но да будетъ воля Твоя, а не моя. А коли въ Спасовъ день присудилъ еси мнѣ отъ суетъ мірскихъ спасеніе, то прими благостынею Своею душу мою, подай силу и крѣпость мнѣ и мужество, и побѣду пошли Царю Государю моему — во вѣки вѣковъ, аминь.»

И пробудилася въ Спасовъ день ранымъ рано молва, говоръ шумный по стану Русскому, скоро читаетъ молитву свою солдатъ Русскій, скоро снаряжается и одѣвается, а на битву съ непріятелемъ готовъ во всякое время, во всякій часъ: въ сумѣ патронъ, на ружьѣ погонъ, да примкнутъ штыкъ — и Господь по насъ!

И построились полки, подъ ружье стали; горитъ солнце раннее, утреннее на штыкахъ граненыхъ, на стволахъ чиненыхъ, на приборѣ мѣдномъ, свѣтломъ; играетъ, блещетъ солнышко и въ нашемъ полку на завѣтной бляхѣ, дорогой: За отличіе!

Нарядили со всѣхъ полковъ по малому числу, сошлися къ ставкѣ полководца славнаго по наряду изо всѣхъ полковъ — тутъ гренадеры были двенадцативершковые, карабинеры, мушкетеры плечистые, егеря приземистые, да сносливые, стрѣлки бойкіе; тутъ гусары и уланы были пѣшіе, кирасиры и драгуны, канониры, бомбардиры мѣткіе.

И ранымъ рано, въ Спасовъ день, отрядъ сборный передъ ставкою полководца славнаго выстроился; вышелъ онъ, головамъ голова, большимъ набольшій, Царя–Государя правая рука, и прошелъ по фронту праздничному.

Поздоровался онъ голосомъ ласковымъ, да наказчивымъ; «здравія желаемъ!» въ привѣтъ ему, отцу–командиру, ребята наши зычно и радостно промолвили; смирно очами сокольими вслѣдъ за нимъ, отцемъ–командиромъ, поваживали, а самъ собою никто усомъ не моргнулъ.

«Ребята! молвилъ яснымъ голосомъ воевода Государевъ, головамъ голова, большимъ набольшій. Ребята! дѣло

подходитъ къ развязкѣ. Мы обошли съ трехъ сторонъ непріятеля — а долго онъ намъ не давался, измучилъ–было насъ совсѣмъ переходами; нынѣ обошли мы его; надо грянуть да разбить въ пухъ.» — Ради стараться! — гаркнули ребята наши единымъ голосомъ.

«Съ Богомъ! молвилъ еще главнокомандующій, съ Богомъ. Я созвалъ васъ, чтобы вмѣстѣ помолиться, тепло, усердно; куда какъ хороша и чиста молитва солдатская передъ битвою! Помолимся, ребята, да и доставай патроны!»

Сомкнулись солдатушки въ каре единый, по слову: на молитву! Кивера сняли да подали въ лѣвую руку, и со вздохомъ умилительнымъ очи соколиныя потупили, словно призадумались. Куда чиста и умилительна молитва Русскаго солдата передъ битвою!

Ой, о чемъ, о чемъ, ребята, призадумались въ Спасовъ день, ранымъ ранешенько? Радостно всякъ изъ насъ душу кладетъ за вѣру, за Царя, за родимую сторонушку: не печаль, не страхъ потупилъ

очи ясныя, благочестіе святое очи молодецкія потупило; душу положить хотимъ съ молитвою!

«Дерзайте, воины, принялъ слово іерей, дерзайте; съ нами крестная сила и благодать ея; благословляю васъ, именемъ Господнимъ, на бой смертный, да спасены будете нынѣ, въ Спасовъ день, передъ Господомъ. Карайте строптивыхъ и непокорныхъ — съ вами крестная сила; щадите и милуйте покоренныхъ — съ вами благодать Божія; стойте сильно, мощно, аки оплотъ вѣры, побѣда Государева, надежа всея земли Русской; благословляю васъ, аминь.

Клали крестъ православный на грудь молодецкую солдатушки, и колѣна преклоняли крѣпкія, на ясное, чистое небо глядючи! Не одна, чай, слеза богатырская дрогнула, запнувшись на перепутьи объ усъ гренадерской. Славно, ребята, и тепло, душеспасительно молиться передъ битвою!

И пошли ребята, тронулись полки густыми колоннами; заговорили знамена распущенныя съ буйными вѣтрами;

отозвалась душа солдатская въ барабанахъ звучныхъ, въ трубахъ зычныхъ; кони рьяные, мѣдный гласъ послышавъ, прядутъ ушами, съ ноги переступаютъ на ногу, поводьевъ попрашиваютъ; не стерпѣла душа солдатская, грянули ребята во всѣхъ полкахъ пѣсни молодецкія!

Легко и весело стало солдатушкамъ по молитвѣ; освѣжила ихъ вода святая, которою іерей окропилъ ряды безстрашные; беззаботно, весело шагаютъ наши солдатушки; пѣсни развеселыя сливаются съ барабанами звучными; шутки и смѣхъ да веселыя поговорочки по густымъ рядамъ разгуливаютъ; а ружья на лѣвомъ плечѣ покачиваются, штыки свѣтлые съ яснымъ солнышкомъ заигрываютъ.

«Вишь! грозитъ непріятель, сказалъ одинъ солдатъ товарищу, съѣсть хочетъ.» — Ну, отвѣчалъ товарищъ, пусть его: раззѣвай ротъ пошире, я полѣзу; глотай, коли не подавишься. —

«Гляди, ребята, молвилъ другой, гляди–ка — новобранецъ нашъ, Евсей Гороховъ, зачастилъ ногами: ему любо, что не въ–

ногу идутъ! Въ артели своей онъ первый; не знаю, каковъ тутъ будетъ; а тамъ онъ — видно мать дома плохо кормила — по монастырской ковригѣ за щеку мечетъ, по чашѣ квасу въ–разъ охлестываетъ!»

— Молчи, дядя, отвѣчалъ новобранецъ Евсей Гороховъ; ѣда въ–прокъ пошла, не пропалъ хлѣбъ Государевъ: отъѣлся я, откормился, а нынѣ въ работу пошелъ; гляди, не подгажу! Стрѣлять не больно гораздъ я, а коли пойдетъ дѣло въ–настоящую, какъ ты же намедни сказывалъ, какъ прижмемъ переднихъ къ заднимъ, да ударимъ въ рукопашную, такъ и я не отстану; погляди! —

Тутъ стукъ и брякотня громкая въ сторонѣ послышались: глядь, молодые кони, неучи, понтонной роты, понесли; несутся понтоны во весь опоръ, нѣтъ и удержу! «Гляди, сказалъ опять краснобай одинъ, гляди, ребята, понтоны наши знать воду причули, понесли!»

Оглянуться не успѣли ребята наши, между дѣломъ и бездѣльемъ часъ и полтора прошло — сошлись лицемъ къ лицу

съ непріятелемъ. Заиграли сперва звучно на мѣдныхъ рогахъ, что пышутъ поломемъ; перекликались взадъ и впередъ рѣчами нахальными, картечью да ядрами; вырывало ядро докучливое тутъ и тамъ изъ густой колонны человѣкъ по три да по пятку, а тутъ сошлись поближе для переговора мелкотравчатаго, ружейнаго.

«Застрѣльщики впередъ!» и высыпали ребята попарно, патроны про запасъ за галстукъ натыкавши; много выскочило охотниковъ, кому тѣсно было въ густой колоннѣ, да у кого на просторъ душа просилася. Словно искры отъ кремня по всей линіи огонь посыпался, рога звучные сигналы подавали знакомые; собирались, разбѣгались застрѣльщики — да бѣгомъ, бѣгомъ впередъ пошли!

Ура! ребята, ура! голосъ подали тутъ и тамъ командиры полковые, баталіонные. Ура! впередъ! ударь въ штыки, да на-проломъ выходи, топчи подъ ноги супротивника!

Пошли солдатушки словно часы заведеные! пошли впередъ, впередъ —

стоптали, смяли непріятеля; безъ счоту его на мѣстѣ положили; много, много въ полонъ полонили; а которые на побѣгъ пошли, за тѣми погналась конница, понеслись Донцы съ долгими копьями, да гусары съ саблями острыми.

Смерклось уже, когда бой затихъ; весело солдатушки въ кружки за огни садились побѣдные; котелки кипѣли съ кашицей; ребята лежа грѣлись, отдыхали, да расказывали одинъ одному, какъ кого Господь сохранилъ отъ бѣды неминучей да помиловалъ, кого задѣла пуля непріятельская, кого на мѣстѣ уложила; командиры ходили тутъ же да спасибо говорили своимъ солдатушкамъ; «ради стараться, отвѣчали молодцы наши; ради стараться за Царя, за вѣру да за землю Русскую!»

И Евсей Гороховъ работалъ, сказываютъ, не хуже другихъ; не пропалъ на немъ паекъ Государевъ; окрестилъ онъ штыкъ свой во крови вражеской и повилъ душу свою молодецкую славой и честію солдатскою.

На–утріе было молебствіе великое: вкругъ алтаря походнаго, передъ ставкою полководца, стояли знамена и бунчуки отбитые; главнокомандующій благодарилъ солдатъ именемъ Царя; священникъ благословлялъ ихъ именемъ Спасителя; и раненые, кто могъ подойти да приползти, стояли да сидѣли тутъ же; и къ нимъ фельдмаршалъ подошелъ, благодарилъ и подавалъ имъ руку, цаловалъ ихъ въ лобъ — и всѣ славословили однимъ голосомъ милость и благодать Создателя, даровавшаго силу и крѣпость и побѣду Царю Русскому — во вѣки вѣковъ, аминь.